

Немировский Эммануил Яковлевич

Советское уголовное право

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Э56

Э56 **Эммануил Яковлевич Н.**
Советское уголовное право / Немировский Эммануил Яковлевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2024. – 296 с.

ISBN 978-5-519-99197-1

ISBN 978-5-519-99197-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ

I. Задачи, содержание и методы науки уголовного права. Вспомогательные дисциплины.

1. Уголовное право. Понятие. Из всей массы правонарушений выделяется категория наиболее важных для данного установленного государством правопорядка, на которое оно реагирует более резко, более энергично в форме мер социальной защиты или особого их вида — наказания, создавая, по выражению Листа, „вторую линию укреплений права“. И эти наказуемые правонарушения и самые виды наказания и других мер защиты определяются нормами права, которые и называются правом уголовным, в частности материальным уголовным правом, в отличие от процессуального, регулирующего порядок производства уголовных дел.

По определению „Руководящих начал по уголовному праву Р. С. Ф. С. Р.“, введенных на территории Украины и действовавших в народных судах и революционных трибуналах до введения Уг. Кодекса 1922 г., „уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессии (наказания)“.

В соответствии с этим определением (Стучка) находится и ст. 5 Уг. Кодекса: „Уголовный Кодекс У. С. С. Р. имеет своей задачей правовую защиту государства трудящихся от преступлений и от общественно-опасных элементов и осуществляет эту защиту путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальной защиты“.

2. Задачи науки. Задача науки уголовного права состоит прежде всего в сведении в стройную систему действующих норм, в раскрытии его принципов, в выводах из них отдельных частных положений, в устранении пробелов и противоречий. Эта задача выполняется догматическим изучением уголовного права. Но такого изучения недостаточно даже для применения норм в судебной практике: юристу-практику необходимо уяснить себе значение нормы в данных социальных

условиях при ее истолковании и при восполнении пробелов законодательства. Еще более важно умение оценить нормы действующего права для законодателя при переработке и реформе существующего законодательства. Таким образом, выдвигается задача уголовной политики, т. е. 1) изучения влияния наказания и близких к нему мер защиты на движение преступности для выработки наиболее целесообразных приемов борьбы с нею (пенология), а также 2) изучения причин преступности вообще и отдельных видов преступления, напр., взяточничества, кражи и т. п. (этиология преступности или криминология), так как от этого: а) нередко зависит решение вопроса, насколько уместна криминализация правонарушения, т. е. обращение его в наказуемое, в преступление, ибо там, где необходимо коренное преобразование права, напр., в области семейных или же вещных отношений (собственности, владения), мало действительной окажется защита нуждающихся в реформе отношений санкцией наказания; или же там, где в основании преступления лежит психоз, как при скотоложестве, наказание представляется бесцельным, б) с другой стороны, от знания причин того или другого преступления находится в зависимости выбор наиболее пригодных мер воздействия на преступника — проведение индивидуализации наказания.

3. Факторы преступности. Причины преступности сводятся к трем факторам: 1) социальному — экономическая обстановка, воспитание, примеры, пережитые впечатления, 2) биологическому или личному (наследственность, вырождение, раса, темперамент), 3) космическому (влияние температуры, климата).

*Подавляющее значение из указанных факторов принадлежит социальным условиям *)*, всему социальному укладу, в основе которого лежит структура экономических отношений. Не говоря уже об имущественных преступлениях, вызванных нуждой, отсутствием у совершающего такое деяние средств для удовлетворения самых необходимых потребностей, и другие имущественные преступления обусловлены общественным фактором: экономическим неравенством, создающим контрасты материального положения классов и отдельных лиц, рождающим роскошь и излишества одних и зависть и соблазн у других вместе с стремлением удовлетворить и свои повышенные потребности в том же направлении. Социальные условия питают разврат, пьянство и другие связанные с ними пороки и таким путем приводят и к другим преступлениям — имущественным, сексуальным и тем, которые выражаются в актах насилия. На той же почве развиваются и должностные преступления — взяточничество, злоупотребление властью и др., совершаемые часто с целью удовлетворения какой-либо страсти —

*) См. в особенности Герпет (недавно вышедшую книгу, 1922 г.) — Уголовная статистика и статистика самоубийств. Ван-Кан. Экономические факторы преступности. Лист. Преступление, как социально-патологическое явление. Сборник „Проблемы преступности“. Ашаффенбург. Борьба с преступностью.

к обогащению, к женщинам, к вину, картам и т. д. И тот же стимул нередко лежит в основе убийства.

Материальные условия существования имеют и косвенно большое значение для развития преступности: они часто препятствуют получению образования, приобретению необходимых знаний в различных областях — ремесла, земледелия или другого полезного труда, создают малую приспособленность к жизни и ведут к снисканию средств незаконными путями. Самая борьба за существование, в условиях свободной конкуренции, вызывает чувства недовольства, раздражения против несправедливостей, отчаянья, которые также служат источником преступлений. Если эта борьба не оставляет времени для духовного развития, возникает новая причина, содействующая преступности. Скученность населения в жилищах дает поводы к ссорам, дракам, убийствам, кражам, половым преступлениям, как показывает статистика сборных квартир и помещений, где сдаются жильцам углы в одной комнате.

Даже космические условия преступности, напр.: климат, погода, оказывают влияние на преступность, главным образом, через посредство зависящих от них социальных явлений (Тард). Так, теплый или жаркий климат, независимо от влияния на биологические особенности населения, на темперамент, на склонность к лени, которые играют роль в возникновении преступлений, вызывают их рост еще и тем, что способствуют большему общению между людьми и в частности между мужчинами и женщинами, вследствие более частого совместного пребывания на воздухе, на улицах, в садах; во время полевых работ совершается больше половых преступлений, драк и телесных повреждений, чем в зимнее время. С другой стороны, летом и в теплых странах, вообще удовлетворение потребностей легче, доступнее, и имущественных преступлений на почве их неудовлетворения меньше. Достаточно упомянуть о недостатке топлива или даже крова, как источнике преступлений в зимнюю стужу.

Так и биологический фактор преступности не стоит вне всякой зависимости от социального: в основе вырождения лежат плохое питание, недостаток физических упражнений, переутомление, сифилис, алкоголизм, сексуальные излишества, отражающиеся на ряде последующих поколений и в физическом и в психическом отношениях.

Проф. Пионтковский называет дефективную наследственность кристаллизированным социальным фактором *).

Социальный фактор влияет не только на возникновение и рост преступности, но и на изменение ее характера и форм. Одни виды преступлений исчезают или становятся редким явлением, другие рождаются вновь или модифицируются (см. ниже, о преступлении).

*) Совет. право, 1923, № 2 (5), статья „Преступление в социалистическом обществе“ стр. 12, где приводится также мнение проф. Ничефоро (Италия), что психо-физическая дефективность есть в значительной мере удел пролетариата.

3. Уголовная антропология и социология. Социальные условия преступности изучаются уголовной социологией, изучение личного фактора преступности составляет предмет уголовной антропологии, в трех направлениях: соматологии (изучение телесных и физиологических особенностей), психологии (изучение духовных черт преступника) и психопатологии (изучение болезненных расстройств психики). Уголовная антропология и уголовная социология имеют вспомогательный характер для уголовного права: добытый ими материал, сделанные ими научные выводы чрезвычайно важны для нашей науки, но они не сливаются с уголовным правом и имеют самостоятельный характер: предмет, цели и методы их иные: антрополог работает эмпирическим методом — анатомии, психологии и медицины над конкретным преступником, социолог — статистическим методом массового наблюдения фактов преступности и т. д., тогда как юрист разрабатывает правовые условия применения репрессии (наказания, мер защиты) и ее пределы. Цель уголовного права и уголовной политики — борьба с преступностью посредством применения репрессии, цели уголовной социологии и антропологии шире: их выводы служат и целям социальной политики, в задачи которой входит борьба с преступностью посредством устранения или ослабления самих причин, ее вызывающих, как алкоголизм, сифилис, недостаточное физическое и духовное развитие, жилищная скученность населения, неправильное распределение имущественных благ и т. д. Предупредительные меры, препятствующие самому возникновению преступления, гораздо важнее репрессивных; они названы итальянским криминалистом-социологом, знаменитым пионером в этой области Ферри „уголовными заместителями“. Но изучение этих мер не входит в уголовное право, тем более, что они состоят в существенных социальных реформах, и значение последних, напр., обязательного всеобщего обучения, отмены права собственности на земельные участки, поднятия физического воспитания юношества, далеко не исчерпывается понижением преступности; эти реформы имеют самостоятельную культурную ценность и служат другим, более высоким целям государства.

Точно также и по тем же причинам — несовпадение методов, предмета и целей — нельзя заменить уголовное право уголовной антропologией или уголовной социологией.

4. Тюрьмоведение и криминалистика. В самостоятельную дисциплину выделилось *тюрьмоведение*, занятое вопросами наиболее целесообразного в деле борьбы с преступностью устройства тюрем и тюремного режима и обнимающее, кроме юридического материала, также множество данных из гигиены, медицины, психологии и различных прикладных наук (архитектуры, напр.).

Самостоятельную область представляет и так называемая *криминалистика*, собственно не наука, а искусство распознавания и констатирования конкретных случаев преступления, на основании судебной медицины, химии, фотографирования, дактилоскопии, метода ассо-

циации, вообще различных технических приемов. Основатель криминалистики проф. Ганс Гросс.

5. Подразделение науки уголовного права. Наука уголовного права распадается на две части: 1) общую, куда принято относить также изложение отдельных видов наказания (и мер защиты) и 2) особенную, содержащую анализ отдельных видов преступления—разбоя, убийства, кражи и т. п.

В свою очередь, общая часть делится на учение о преступлении и учение о наказании; к ней же относится учение об уголовном законе, как источнике уголовного права.

II. Исторический очерк науки уголовного права и современное ее состояние.

1. Древний период. Наука уголовного права достигает полного расцвета только в XIX веке. От древних греков и римлян дошли до нас в сочинениях философов и юристов, посвященных не уголовному праву, указания на отдельные проблемы последнего, как сущность наказания, его цель и некоторые друг. Таковы замечания, разбросанные в различных сочинениях Платона, Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана, Сенеки. Кроме того отрывки, относящиеся к практике уголовного правосудия, из не дошедших до нас, повидимому, практических сочинений Павла, Ульпиана, Модестина и друг., составили *lib. 47 и 48 Digest.*, так называемые *libri terribiles* *). К уголовному праву относятся также имевшие значение учебных пособий институции Юстиниана, книга IV, и Гая, кн. III.

2. Средние века и начало нового времени. В средние века, со времени возникновения в XII столетии в Италии Болонского университета, постановления римского и канонического права (*libri terribiles*, а также относящиеся к уголовному праву *lib. 6 и 9 Юстинианова кодекса*, затем части *Corpus juris canonici*, *Decretum Gratiani*, *Decretal. Gregor. IX*, *Extravagant. папы Иоанна XXII*, *libri poenitentiales*), позже статуты итальянских городов образуют материал для толкования, первоначально в форме примечаний на полях—глосс. При этом глоссаторы давали сводку прежде высказанных мнений, присоединялись к ним или критиковали, а по временам приводили в толкованиях и начала обычного права. Это *комментаторское направление*, древнейшим представителем которого считают Альберта Гандина XIII в. („*Libellus super maleficiis*“), перенеслось и в другие страны; оно удержалось до середины XVIII века, достигнув особенного расцвета и влияния в XVI и XVII в. в трудах Юлия Клара и Проспера Фаринация в Италии, Дамгудера и Антония Маттея в Голландии, Берлиха и Карп-

*) Страшные книги.

цова в Германии и оказавши влияние на знаменитый кодекс Карла V (1532 г.) „*Constitutio criminalis Carolina*“.

3. Уголовно-политическое движение XVIII в. В XVIII в. возникает сильное уголовно-политическое движение, направленное к коренной реформе уголовного права и процесса и опиравшееся на требования разума и гуманности и на новые политические идеалы. Важнейшие представители этого движения *Монтескье* (*Lettres persanes*, 1721, *L'esprit des lois*, 1748 г.). Вольтер, Руссо и в особенности *Чезаре Беккариа*, выпустивший в 1764 г. книгу: „*О преступлениях и наказаниях*“ (*Dei delitti et delle pene*). Это сочинение было вскоре переведено на все европейские языки и оказало громадное влияние на все передовые умы XVIII в. Сокращение области применения смертной казни, устранение из кодексов суеверий, отмена преследований еретиков, ведьм и т. п., а также пытки; ограничение произвола суда—вот главные требования Беккарии, Монтескье и других представителей этого направления. Соответствие наказания тяжести преступления Монтескье рассматривал, как триумф свободы: наказание должно диктоваться не произволом судьи или прихотью законодателя, а природой совершенного преступного деяния. Логическим выводом отсюда было установление абсолютно-определенной санкции, лишение суда права выбирать меру наказания даже в пределах *maximum'a* и *minimum'a* (так франц. угол. кодекс 1791 г.) и отрицательное отношение к толкованию закона у представителей этого направления и их последователей. Закон должен быть точен и совершенен; судья не может изменить ничего ни в составе преступления, ни в мере наказания.

4. Классическая школа. На рубеже XVIII и XIX веков появляются первые работы Грольмана и Фейербаха, из которых второй имел громадное значение для развития науки уголовного права.

В XIX в. надолго (до конца 70-ых годов) утвердилось так называемое *классическое направление*, основывавшее ответственность на абсолютно свободной воле личности и на идее возмездия, под влиянием метафизической философии Канта и Гегеля. Особенно выдающиеся представители этой школы *Кестлин*, *Бернер*, *Гельшнер*, у нас Спасович, во Франции и Италии Росси, Каррара, Эли, Ортолан. Классическая школа сделала очень много для системы уголовного права и внесла много ценных исследований в область учения о преступлении и особенной части нашей науки, иногда, впрочем, впадая в излишний схематизм, граничащий со схоластикой. Изобилие юридических тонкостей, лишенных подчас жизненного значения, и искусственно созданных понятий загромождало науку, а за ней и кодексы излишним баластом.

Но главный недостаток этого направления заключается в нежизненности учения о наказании. В основу кладется принцип пропорциональности наказания тяжести вины, но последняя измеряется тяжестью последствий: важностью объекта посягательства и степенью причиненного ему вреда. К этому приводила идея справедливости.

вого воздаяния—*возмездия*, в понимании корифеев классицизма; но того же требовала и идея психологического принуждения, обоснованная Фейербахом, и позже *идея общего предупреждения*: чем выше, тем ставка наказания должна быть больше, чтобы создать препятствия преступному стремлению, способные перевесить силу этого импульса (Фейербах), или же, чтобы энергичнее защитить более ценные блага. С другой стороны, *идея публично-правовая*, наследие просветительной эпохи с боязнью произвола судей, с ревнивой охраной индивидуальной свободы, переносила центр тяжести при определении наказания на закон, а не на приговор, и вместе с тем в основу ставила деяние, в законе предусмотренное. Важность деяния определяла размер наказания, а она сама определялась снова ценностью объекта посягательства и степенью причиненного вреда. Этот круг идей, таким образом, ставил законодателю задачу установить *две параллельных скалы: одну благ—по их ценности* или общественной важности, *другую наказаний—по степени их тяжести*; высшей ступени в одной соответствовала высшая ступень в другой. Всякий придаток на стороне преступления, напр.: большая стоимость похищенной вещи, взлом, влек увеличение меры наказания; всякий минус вызывал понижение. Из субъективных моментов выдвигались только особенно яркие (большая наказуемость умысла сравнительно с неосторожностью), да и то часто недостаточно. В стремлении сузить рамки свободы судьи, необходимо было уже в самом законе предусмотреть наиболее типичные особенности отдельных преступлений, что приводило к созданию целого ряда квалифицированных (строже наказуемых по закону) и привилегированных (легче наказуемых по закону) преступлений и, таким образом, к осложнению особенной части кодексов; при этом *закон, как общая формула*, все же не мог предусмотреть всего богатства, всего разнообразия конкретных проявлений одного и того же по законодательной терминологии преступления и назначить соответствующее данному случаю и пригодное для данной личности наказание; такая индивидуализация недоступна закону, знающему только понятие, а не преступников, живых людей, объектов наказания, столь различных по своим характерам. А те обстоятельства, которые по закону влияли на тяжесть наказания, нередко имели случайный характер и далеко не всегда свидетельствовали о большей опасности или большей испорченности преступника. Справедливость, на которой хотели основать наказание, была слишком абстрактной.

Несостоятельность этого учения, легшего в основание и уголовных кодексов этой эпохи, наглядно доказывалась общим увеличением преступности и в особенности ростом рецидива, а также оправдательными вердиктами присяжных, правосознания которых не удовлетворял мертвый схематизм закона.

5. Факторы обновления науки угол. права. К концу семидесятих годов необходимость коренной реформы ясно чувствовалась и

сознавалась. Два фактора ускорили падение чистой юриспруденции понятий, как ее окрестил Иеринг: во-первых и в особенности развитие положительного знания, опытных наук и статистики и смена метафизической философии позитивною; во-вторых—пенитенциарное движение, сначала мало заметное, а затем окрепшее, развивавшееся практическими деятелями в области применения наказания, скопившее свой опыт и располагавшее важным для реформы материалом приблизительно к концу третьей четверти XIX века.

а) Пенитенциарное течение. Уже в конце XVIII века вопрос о практической организации наказания занимал умы, в особенности в Англии и в только что образовавшихся Соединенных Штатах Сев. Америки. С уменьшением случаев, караемых смертной казнью, и с отменой членовредительных, а позже и телесных наказаний, во всем цивилизованном мире важнейшим и наиболее частым карательным средством должно было стать лишение свободы в форме ссылки и различных видов тюремного заключения. В конце XVIII в. и в начале XIX в. вопросы тюремной организации были затронуты Иеремией Бентамом (*Théorie des peines et des recompenses*), и Джоном Говардом. Сочинение последнего: „Состояние тюрем в Англии и Уэльсе“ (1777 г. на английском языке) пользовалось вполне заслуженной популярностью. Оба писателя стремились к рациональной и более гуманной постановке наказания тюрьмой. Практическая мысль англо-саксов (сначала в С.-Америке) направлялась к осуществлению в тюрьмах (пенитенциариях) мероприятий, имевших целью воздействие на личность преступника посредством исправления. Та же идея в несколько иной форме (приспособление к условиям жизни на свободе) нашла себе проявление и в английской ссылке в Австралию. Уже в начале XIX в. здесь зарождается институт условного досрочного освобождения отбывавших наказание, поощрявший к труду и хорошему поведению. Здесь же и в пенитенциариях практика применения наказания натолкнулась на необходимость делать различия между худшими и лучшими характерами преступников, проводить известную классификацию в периоде отбытия наказания и воздействовать на различные классы различными мерами, с целью достижения более благоприятных результатов. Таким образом, *практика старалась, насколько возможно, индивидуализировать наказание и исправить недостатки законодательства.* В этом отношении важны данные английских анкетных комиссий по обследованию сравнительных достоинств ссылки и тюрьмы, отчеты делегатов, посланных в Соединенные Штаты правительствами важнейших западно-европейских держав для изучения организации пенитенциариев, и возникшие в связи с этим *в конце сороковых годов XIX в. тюремные конгрессы,* не получившие впрочем дальнейшего развития до семидесятых годов. На этой почве появились и *труды по тюремоведению,* резко отличавшиеся своим эмпирическим характером от остальной уголовно-правовой литературы и чуждые

априорных положений и метафизики. Наиболее известные имена этого направления *Моро-Кристоф, Беранже, Бонвиль де Марсанжи, Дюкпесье, Миттермайер и Гольцендорф*. В конце шестидесятых годов защитником принципа индивидуализации наказания, в работе под этим заглавием, выступил австрийский криминалист *Вальберг*. С 1872 года возобновляются международные *пенитенциарные конгрессы* (в Лондоне), повторяющиеся затем каждые несколько лет, и на втором конгрессе (в Стокгольме, 1878 г.) тот же Вальберг делает знаменитый доклад „О способах борьбы с рецидивом“, в котором настаивает на коренном разграничении случайной и привычной преступности и наказаний для этих категорий, чем намечается путь уголовной политики новейшего времени.

б) Развитие статистики и естествознания. К семидесятым годам истекшего столетия развитие естественных наук и статистики расшатало здание метафизической философии и устои классической школы уголовного права: свободу воли и возмездие. Статистики (Кеттле, Герри, Эттинген и др.) выяснили зависимость движения преступности от общественных условий—неурожая, бедности, развития городской жизни с ее соблазнами и т. п., а также от космических, напр.: связь сексуальных преступлений с климатом; антропология установила влияние расы, наследственности, дегенерации и т. п. Кеттле (30-е годы XIX ст.) принадлежит ставшее классическим изречение: „Ни одна податль не платится так исправно обществом, как та, которая платится тюрьме и эшафоту“. Первое время впали в преувеличения: стерли самостоятельность личности, превратили ее в слепое игрище сил, над которыми она не властна. Наказание превращается в меру защиты общества против опасных или вредных для него элементов, однородную с теми, которые принимаются против стихийных сил.

6. Уголовно-антропологическая школа. Эти преувеличения выразились с особенной яркостью в трудах т. наз. итальянской антропологической школы уголовного права и некоторых психиатров.

Основатель уголовно-антропологической школы—профессор медицины в Турине *Чезаре Ломброзо*, выпустивший в 1876 г. сенсационную книгу под заглавием: «Преступный человек» (*L'uomo delinquente*) и нашедший первое время много последователей, преимущественно в Италии, из которых особенной известностью пользуются *Гарофало* и *Ферри*, последний, впрочем, с значительным уклоном в сторону социологического направления. В России к учению антропологов примкнули покойный проф. Дриль и некоторые психиатры.

Сущность уголовно-антропологического учения сводится в общих чертах к следующему: существует *тип прирожденного преступника*; это особая разновидность человеческого рода. Наделенный особыми стигматами, или антропологическими клеймами: аномалиями и асимметрией черепа, своеобразной физиономией, особенными психическими чертами, такой человек самой природой предназначен к совершению

преступных деяний; *преступность есть прирожденное, стихийное стремление*, и обществу остается не наказывать, не рассуждать о вине или справедливом возмездии, а прибегнуть к решительным мерам *социальной защиты*: применять смертную казнь, пожизненное заключение в тюрьме или в доме для умалишенных (*manicomio criminale*), высылку к диким или на необитаемые острова, кастрирование, чтобы воспрепятствовать размножению этой опасной разновидности. Нет надобности в юридических тонкостях, в точной обрисовке отдельных видов преступлений; нет надобности даже выжидать совершения последних, когда преступная личность познается по упомянутым признакам; если это не преступник, то будущий, возможный преступник — криминолоид. Объяснения преступного типа предлагались разные, даже самим Ломброзо в различных изданиях его книги и в других работах: в преступнике видели то возрождение отдаленного предка современного человека (атавизм), дикаря, то нравственно помешанного (*razzo morale*), то одержимого особым неврозом (Ферри), то эпилептика, хотя эти объяснения, иногда предлагаемые совместно (Ломброзо), противоречили друг другу: так, помешательство и неврастения болезни, не свойственные первобытному человеку, а развивающиеся с ростом культуры. Прирожденное и атавистическое стремление к преступлению противоречит изменямости форм преступности во времени и пространстве, факту существования таких преступлений, которые не были известны прежде и стремление к которым не могло возникнуть в первобытном человеке, чтобы потом воскреснуть в современном: таковы, напр., подлоги, подделка монеты, ростовщичество, преступления печати. Сами *стигматы*, приписываемые прирожденному преступнику, напр.: косоглазие, амбидекстризм, прогнатизм (выдающийся лицевой угол), выдающиеся скулы, черепная ямка, из психических — нечувствительность к боли, отсутствие сострадания, склонность к татуировке, к циничной литературе, воровской язык (*арго*) — оказались *почерпнутыми из недостаточного количества наблюдений*, произведенных слишком поспешно, без надлежащей осторожности в выводах и *при помощи сомнительных научных приемов*. Стигматов не хватало у большинства преступников (у 60%); зато они встречались у людей с незапятнанной репутацией и столь почтенных, что и пылкая фантазия не могла бы усмотреть в них криминолоидов. Некоторые из указанных стигматов были присущи вообще населению той местности, из которой происходили исследуемые преступники, были признаками подвида расы, или же были распространены в той среде, к которой принадлежал преступник (напр., среди матросов татуировка); другие особенности объяснялись или также принадлежностью к известной среде (напр., грубость, цинизм), или же были результатом бурного прошлого и преступной карьеры. Если и можно говорить о типе преступника, то лишь преступника-профессионалиста, бывалого гостя тюрьмы, о *типе социальном*, а не антропологическом.